

Кулишер Иосиф Михайлович

Очерки финансовой науки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И75

И75 **Иосиф Михайлович К.**
Очерки финансовой науки / Кулишер Иосиф Михайлович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 393 с.

ISBN 978-5-519-91747-6

ISBN 978-5-519-91747-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ной» подати, имевшая характер поочажного сбора. Посещение сборщика, которому приходилось обходить все поместья и подсчитывать число печей, вызвало столь сильную вражду к налогу, что он был отменен, как признак рабства и заменен налогом на окна, который устанавливался путем подсчета отверстий снаружи.

Писавший почти одновременно с ним Юсти также различает тройного рода поголовную подать, но в ином смысле. Во-первых, равную для всех так наз. турецкую подушную подать, свойственную деспотическим государствам, хотя встречающуюся и в Саксонии (с изъятием дворянства, чиновников, профессоров и студентов); далее, поголовную подать в монархиях, устанавливаемую по рангу и титулу, по званию и сословию каждого—«с природой республики она несовместима»; наконец, ту же подать в форме классного налога, считающегося «с имуществом, доходами и прибылями» каждого, наиболее подходящий для республики, «состоящей из аристократии и демократии» способ обложения. «Облагать свою голову и не иметь права безвозмездно носить ее на плечах», — продолжает он,—это почти все считают тиранией и несомненным признаком рабства. «Все, что рот и нос, в качестве наиболее удобных отверстий головы, воспринимают, уже подлежит налогу, так что взимаемая еще особо поголовная подать не может преследовать никакой иной цели, кроме обложения воздуха, который голова в себя

Труды комиссии по пересмотру системы податей и сборов 1861 г. и сл. Алексеенко. Действующее законодательство о прямых налогах. 1879. Триогов. Община и подать. 1882. Яроцкий. Отмена подушной подати и, связанные с этим реформы. 1886. Бржеский. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. 1897. Божерянов. Граф В. Ф. Канкрин. 1897. Головачов. Десять лет реформ. 1872. Кованько. Главнейшие реформы, произведенные Н. Х. Бунге в финансовой системе России. 1900. Сабуров. Материалы для истории русских финансов. 1899. Головин. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1899. Вессель. Наша новая госуд. финансовая деятельность. 1894. Сементковский. Канкрин, его жизнь и финансовая деятельность. 1893. История министерства финансов 1802—1902. Департамент Окладных Сборов. 1863—1913. Озеров. Экономическая Россия и ее финансовая политика. 1905. Его же. Финансовая реформа в России 1906. Покровский. О подоходном налоге. 1916.

*) Smith. Wealth of Nations, 1776. B. V. Ch. II, 2 § 2 и 4. § 1.

впитывает». Приведенные же сословные и классные подати отличаются от «турецкой» поголовной подати только более «вежливым» именем личного налога, заменяющим ненавистное население названием подушной подати. И все же Юсти готов мириться с ними в качестве дополнительных и чрезвычайных видов обложения, — в противоположность решительно отрицаемой им всеобщей подати на имущество, заставляющей всех подданных, независимо от сословия, владения недвижимостью или производства промысла, отдавать известную часть имущества на нужды государства. Классная подать, исходя из имущественного положения плательщика, все же не выясняет размера его состояния и дохода, а судит по внешним обстоятельствам и обычным признакам состоятельности, руководствуясь тем, насколько тот или иной промысел или способ пропитания дает больше, чем другой. Поимущественный же налог требует заявления об имуществе под присягой, что вызывает многочисленные клятвopеступления и влечет за собой вскрытие имущества, столь убыточное для купцов, и вообще для всех «крайне неприятное и противное»¹⁾.

И Смит и Юсти, таким образом, сходятся в оценке неопределенной и произвольной, а потому «возмутительной» и нетерпимой подати, исходящей из имущества, т.-е. из общего материального положения плательщика, будучи готовы примириться даже с жестокими и неравномерными, но освобождающими от вмешательства сборщика, ибо исходящими из известных признаков, подушными или грубыми поразрядными податями. Но они сходятся и в другом. И тот, и другой упоминает о тайной уплате поимущественной подати, практикуемой в различных швейцарских кантонах и немецких городах (Смит приводит Гамбург, Юсти—Нюрнберг). Деньги опускали под присягой в закрытый ящик без объявления размеров своего состояния и уплачиваемой суммы, так что никакого контроля не было: судьей являлась собственная совесть, да страх кары Божьей за нарушение клятвы. Если Смит еще допускает такой способ обложения в мелких демократических республиках, находя его, однако же, непригодным для больших государств (т.-е. для Англии), то, по мнению Юсти, едва ли можно было найти другой способ столь простой, легкой, а в то же время

1) Justl. System des Fi wesens, et c. 1766. 411 et. 492 et.

основанный на справедливом равенстве в обложении», если бы... «люди, действительно, были честны и добросовестны». А так страдают только порядочные люди. Но для движимого имущества другого способа обложения не может быть—капитал неизвестен, постоянно изменяется, его легко скрыть, выяснение его было бы сопряжено с крайними притеснениями плательщика. Отсюда требование и того и другого автора—построить обложение на земле, «первейшем и важнейшем источнике государственных доходов», количество и ценность которой не составляют тайны, резко бросаются в глаза. Земля—«общая собственность государства и предназначена для общего блага», от обложения ее «не страдает ни разумная свобода человеческих действий, ни кредит подданных, ни развитие земледелия и коммерции».

Развитие действительношло в этом направлении. Введенная в Англии в конце XVII ст. land-tax—подать на недвижимое, как и на движимое имущество, фактически, в виду затруднений, связанных с выяснением прибылей торгово-промышленных, от денежных капиталов и т. д., превратилась в поземельный налог, развешиваемый между фермерами (в виду господства в Англии аренды) с правом вычета у собственника. Когда же, это лет спустя, Питт сделал попытку введения общенодоходного налога, взимаемого в зависимости от установленной величины дохода, он вызвал столь сильное возмущение, что налог пришлось в следующем году упразднить. Преемник его создал новый подоходный налог, но в виде ряда, в сущности, самостоятельных податей, взимаемых на основании данных об арендной плате (причем доход арендатора принимался в известной доле ее без действительного вычитания), путем вычета при уплате банками процентов и т. д. Все это вполне соответствовало «господствовавшему в стране неучастному предразсудку против всего, что могло вызывать возмущение имущественного положения плательщика». Гармонию эту нарушали лишь торгово-промышленные доходы (шедула Д), которые приходилось выяснять и которые каждый раз грозили погубить налог. Но торговля и промышленность Англии (эра парового двигателя, прядильной машины, обработки металлов на минеральном топливе) к тому времени уже переросла всякие иные, более упрощенные, масштабы, которыми,—как мы увидим дальше,—она еще долго довольствовалась на континенте.

На континенте—в северной и южной Германии, Швейцарии, Австрии—города уже в XV—XVI ст. в отдельных случаях нарушают вековые обычаи, переходя от самообложения плательщиков по показываемой ими имущественной состоятельности к более точному определению ценности облагаемого имущества. Последнее разбивается на отдельные части и для него устанавливаются законные оценки, не зависящие от усмотрения плательщика. В Мюльгаузе (Эльзас), напр., гуфа паппи оценена в 40 мар. серебра, для виноградников дана другая оценка, для лугов—третья. Или же, минуя ее (но исходя, конечно, из нее), город дает плательщику непосредственно указание относительно размера причитающейся подати. В Вормсе (на Рейне) установлено, напр., с моргена пахотей $7\frac{1}{2}$ крейц. подати, с виноградников—30, с лугов и выгонов—3 кр. И в том и в другом случае проводится различие лишь по видам угодий, но предполагается, что ценность земель данного рода всегда одна и та же, что, повидимому, в общем и целом, было правильно для этой ранней эпохи.

В качестве дополнения к главному предмету таксации—земле, присоединяется обложение также оцененных законодателем запасов плательщика, преимущественно сельско-хозяйственных (оценена мера пшепиды, ржи, оценен бык, корова, оценена бутка вина, пива), но иногда и других (питука красного сукна оценена в 4 мар. пфени, прочего цветного сукна в 3 мар. и т. д.). Плательщику необходимо лишь подсчитать размер налога, исходя из этой ценности и устанавливаемого каждый раз процента обложения, — задача нелегкая в те времена, когда люди были почти поголовно неграмотны, а для изучения четырех правил арифметики купцы специально ездили в один из немногих культурных оазисов.—Венецию. В виду этого, для получаемых плательщиком рент и чиншей нередко просто определяли (как и для земель в приведенном выше примере), сколько надо платить. (Нюрнберг)—напр., с каждых 3 мер пшепиды 40 гелл. (натуральная вечная рента), шестую или двенадцатую часть денежной ренты (вечной или пожизненной) и т. д. Или же только оценивали ренту, заранее уже капитализируя ее из известного процента. В Бэрне, напр., чинш в виде меры полбы с яйцами и курами оценен в 15 гульд., тогда как другие города значительно усложняют работу для плательщика, переводя лишь натуральные ренты в денежные и указывая процент капитализации

последних (мера пшеницы=3 фунт. гелл., 2 петуха, приносимых на масленицу, = 1 фунту; пожизненная рента множится на 5, вечная—на 10) ¹⁾.

За городами постепенно следовали и территории, в особенности в XVII—XVIII ст., обращая еще больше, нередко исключительное внимание на обложение земель при раскладе различных податей—Bode, Schöss, Kontribution Schatzung. От плательщика требуют перечисления принадлежащих ему земель, их местоположения и качества, сведений о лежащих на них долгах и повинностях, и не только устно, но нередко и письменно — от этого зависит, ведь, контингент, т. е. взимаемая путем разверстки в пределах податной общины сумма. Затем, не полагаясь на его показания и имея в виду, что многие подлежащие обложению земли укрывались от глаз фиска и о них умалчивалось в показаниях, отпращивают сведущих людей для обхода полей и прочих угодий и для выяснения, кому они принадлежат. На основании этих данных, в Баварии уже в 1622 г. делается первая попытка заменить прежние «списки лиц» «списками имуществ» ²⁾. В Вюртемберге это было сделано в 1628 г., ибо «до сих пор при ежегодном обложении земель и чиншей происходило заметное неравенство, для устранения которого нет лучшего, более удобного или разумного средства, чем создание и изготовление повсеместно в городах и коммунах особых книг и списков недвижимостей и лежащих на них повинностей» ³⁾.

Перенесение налога на землю вызывалось и требованием государей, чтобы недвижимости в податном отношении оставались «неподвижными» в их владениях, хотя бы они приобретались или переходили по наследству к лицам, живущим вне пределов их территории. При мелких и мельчайших размерах этих территорий, при большом количестве земель, скупаемых горожанами в соседних местностях, личное обложение, связанное с местожительством владельца, создавало многочисленные «перекатывающиеся земли», платившие сегодня одному, завтра—другому государю или импера-

¹⁾ См. Кулишер. Коммунальное обложение. 1914. Стр. 108 сл. 210 сл.

²⁾ Hoffmann, Geschichte der direkten Steuern in Bayern. p. 52. 100.

³⁾ Kölle. Zur Entwicklung der Ertrags- und Kadastersteuern in den deutschen Staaten. Finanzarchiv. 1899. p. 486.

скому городу и нередко сильно опустошавшие казну того или другого. Вслед за отменой этого порядка и установлением обязанности земель при уплате налога «пересчитать» обратно, т. е. платить по месту их нахождения, совершился и последний акт—выполнение требования Клока, настаивавшего на обложении недвижимости, как и прочих объектов, не по ценности, а по доходности их. Он настаивал на обложении лишь тех предметов, которые доставляют доход, освобождая неплодородные или пустопорожние земли, предметы потребления, украшения и т. д. и облагая земли, дома, капиталы, дающие проценты, ренты, торговлю и промыслы, а также доход художников, арендаторов и всякого рода иные поступления.

При таких условиях первоначальная единая подать совершенно исчезала, дробилась на ряд самостоятельных налогов с отдельных видов дохода. Повсюду появляется обложение—первоначально в старой раскладочной форме—земли (Hufenschoss), скота (Horn-und Klauenschoss), чиншей, рент и иных повинностей (Gülten), передко и домов (Giebelschoss).

Так, в Пруссии мы слышим о налогах с земли, домов, скота. В Австрии преимущественное обложение теряет свой первоначальный характер личной подати и превращается в «податной капитал», налагаемый на земельный участок и ему приписанный, в реальную повинность, к которой присоединяется поочная подать с лавок и мельниц и другие. В Вюртемберге имелся с начала XVIII ст. кадастр земель и чиншей, домов и промыслов. В Гессене преимущественная подать дробится на поземельную, с чиншей, промысловую и со скота. Тогда как в Бадене наблюдаем чрезвычайную пестроту в обложении: в одних местах облагаются только земли, в других—земли и повинности, в третьих—земли, чинши и дома, в четвертых—земли, дома, чинши и даже промыслы. В особенности последние как в городах, так и в государственной податной системе еще далеко не выделились вполне, не успели образовать равноправного члена новой податной системы. Все, кто не имел недвижимостей, нередко подлежали грубому поразрядкеподушному обложению. По всему видно было, что промысловое обложение составляло еще совершенно неразрешенную задачу, что способ обложения торговли и промыслов, как самостоятельного объекта, еще совершенно не был найден.

Но дифференциация повсюду обнаруживается, новая подат-

ная система нарождается, она ждет только толчка, чтобы вылиться в определенную и устойчивую форму реального обложения, ждет точных и определенных указаний. Таким толчком явилась Французская Революция; она выработала и установила принципы нарождающейся реальной системы обложения, а в последующие десятилетия Франция отлила их в стройные и устойчивые формы. Франция стала тем образцом, с которого списывали все другие страны континента, при помощи которого на их вполне подготовленной почве было сооружено систематическое и законченное здание реального обложения.

Во Франции старый режим с пресловутой *taille*, «облагающей лиц, сообразно их имущественному положению, их торговле и промыслам», как определяет ее «*Encyclopédie Méthodique*», в этой податной области вызывал едва ли не более всего плач и крик, ненависть и отчаяние, доводил людей до разорения и нищеты ¹⁾. И стоял стоял на протяжении всей страны не по причине размеров обложения—поступления были сравнительно невелики,—а потому, что, падая почти целиком на сельское население, и притом за вычетом всех многочисленных, изъятых от подати лиц (см. I, стр. 155 сл.), раскладка последней, основанная исключительно на мнении о степени состоятельности плательщика, превращалась в источник возмутительнейших пороков,—как заявляло провинциальное собрание в Берри. «*Taille* именуется произвольной податью потому, что она зависит от произвола лиц, которые ее устанавливают, исходя из своего смутного представления о личных средствах плательщиков». Получается «решение наудачу, подать строится на человеческих ошибках и страстях».

Шотландец Смит и немец Юсти, изображая пагубные последствия подати, оперирующей неопределенным понятием имуще-

¹⁾ Относ. прямого обложения во Франции до Революции кроме ука. соч. Stourm, Clamagèran, см. Bouchard. *Système financier de l'ancienne monarchie*. 1891. Berton. *La capitation sous l'ancien régime*. Marion. *Les impôts directs sous l'ancien régime*. 1910. Gomel. *Les causes financières de la Revolution* T. I—II. 1893—93. Lardé. *La capitation dans les pays de taille personnelle*. 1906. Callery. *La taille royale au XVII et au XVIII siècle*. (Revue des questions historiques. 1882). Lasteysrie. *L'impôt sur le revenu sous l'ancien régime*. (Revue de Deux Mondes. 1910). Lucay. *L'impôt sur le revenu etc. au XVIII siècle*. (Académie des sciences morales et politiques. 1898. T. 149).

ственной состоятельности, показывают при этом пальцами на Францию. Французские же авторы не находят достаточно мрачных красок для изображения «боязливого, подозрительного, отупелого, униженного населения, мало отличающегося от древних рабов и напоминающего египетских феллахов или индусов», населения, для которого из-за этого налога, «всякое владение становится шатким, всякое приобретение—бесплодным, всякое сбережение—на маленькой, и сохранить в свою пользу оказывается возможным лишь то, что удалось укрыть от взоров казны» ¹⁾. Бугаильбер в 1697 г. рассказывает о том, как каждый сборщик начинает с того, что расплачивается с теми, по милости кого он, по его мнению, пострадал в однопородных случаях, причем эта месть идет вплоть до третьего поколения. Он находит, что «беспрерывная война была бы менее обременительна для населения, чем раскладка подати», которая «прекратила потребление; запретила его, вследствие своей неопределенности и своего вполне определенного тарифа, согласно которому каждый платит тем больше, чем беднее он» ²⁾. На материальное положение плательщика,—говорит Вобан в 1707 г., определяет размеры обложения, а «зависть, покровительство, расположение и любовь». Избегает разорения лишь тот, «кто умсет так хорошо скрыть то небольшое состояние, которым он обладает, что соседи не имеют о нем ни малейшего представления. Свою предосторожность ему приходится доводить до отказа от необходимого, чтобы не казаться довольным своим положением. Ибо несчастный плательщик вынужден без колебаний предпочесть бедность благосостоянию, которое, стоив ему больших жертв, заставило бы его лишь более сильно чувствовать горесть утраты, вызванной прихотью или завистью соседа» ³⁾.

Еще ярче изобразил положение плательщика Руссо. Он рассказывает, как после продолжительного путешествия, умирая от голода и жажды, он зашел к крестьянину, на гостеприимство которого—исходя из опыта Швейцарии—он рассчитывал, и попросил дать ему за плату пообедать. Но получил он только снятое молоко и грубый ржаной хлеб; больше ничего у крестьянина не было. И только убедившись в истинности слов незнакомца, на основании

¹⁾ Taine. Ancien régime. 2 éd. p. 467.

²⁾ Boisguillebert. Le Detail de la France. Ch. 2, 3, 5. Daire. p. 172 сл.

³⁾ Vauban. Dime royale. 1707. p. I. 2. Ed. Daire. p. 68—69.

его волчьего аппетита, и не сомневаясь в том, что последний не намерен его предать, крестьянин спустился в погреб и принес оттуда прекрасный обед и бутылку вина, вид которого особенно обрадовал сердце путешественника. Когда же он захотел расплатиться, крестьянина снова охватило беспокойство и всякого рода опасения, причем совершенно непонятно было, чего он так боялся. В конце концов, дрожа от страха, он произнес ужасное слово: «сборщик», объяснив, что он скрывает вино из-за акциза. (aides), а хлеб из-за taille, что он был бы погибшим человеком, если бы у кого-либо возникло сомнение в том, что он не умирает с голоду. «Все, что он мне сказал по этому поводу, — заключает Руссо, — и о чем я не имел ни малейшего понятия, пронзало на меня впечатление, которое никогда не изгладится. Этот человек, имея средства, не решался есть хлеб, заработанный им в поте лица, и не мог избежать разорения иначе, как делая вид, что он так же бедствует, как и все вокруг него живущие. Я вышел из его дома столь же возмущенный, как и тронутый, оплакивая судьбу этих прекрасных мест, которые природа снабдила своими дарами лишь для того, чтобы они стали добычей варварских публиканов» ¹⁾.

Эта картина крестьян, опасющихся в чем-либо обнаружить свои средства, в обстановке, в лице, в одежде или в ином, доступном для глаза сборщика, подтверждается многочисленными сообщениями. Против сборщика—таково общее мнение—единственное оружие—«бедность, кажущаяся или действительно, не намеренная или намеренная». Опасение заплатить лишней акю, заставляет отказываться от выгоды вчетверо большей. «Если бы я зарабатывал больше, это шло бы в пользу сборщика»,—завывая один крестьянин. Когда Шуазель хотел на свой счет покрыть переписчей жабы крестьян, легко подвергающиеся пожарам, они поблагодарили его за доброту и просили ничего не изменять, ибо если бы солома была замочена черепицей, им бы тотчас же повысили обложение. Сельско-хозяйственное общество в Мэнг предполагало (в 1761 г.) раздавать крестьянам скот в виде награды и поощрения, но остановилось пред теми «опасными последствиями, которые низкая стоимость могла бы навлечь на заслуживших эти награды лиц, вызывая,

¹⁾ Rousseau, Confessions, 1732. P. A L. VI.

благодаря произвольной раскладке податей, всевозможные притеснения для них» ¹⁾).

Рядом с областями, где свирепствовала *taille personnelle* существовали—долго это были оазисы—и другие, где она была перенесена на землю, взималась в реальной форме. Но первоначальные шервы имели мало основания завидовать вторым. Невежество оценщиков и негодные материалы в виде ложных данных о продажах и арендах приводили к такой неравномерности в обложении, что население нередко попросту выносило приговор об избавлении его от новых экспериментов и входило в соглашение с сборщиками относительно игнорирования новых официальных списков и применения тайных, составленных на старый манер. Но все-таки такая «тарифная» подать (*taille tarifée*), в отличие от подати «произвольной», при устранении связанных с первой злоупотреблений, могла послужить исходной точкой для реформы прямого обложения. В конце-концов, хотя лишь накануне самой Революции, удалось добиться некоторых улучшений. Благодаря Неккеру и Тюрго, провинциальным собраниям и генеральным штатам, не только расширилась область применения реальной подати, но и заменены были случайные сборщики профессиональными—правительственными комиссарами, подготовленными для новых обязанностей, а в связи с этим и списки владений стали составляться более правильно и добросовестно. Самая подать, в целях устранения колебаний, была закреплена Неккером на 20 лет—индивидуальные оклады не подлежат за это время никаким изменениям.

Учредительное Собрание продолжало эту деятельность. Оно слело *taille* с другими однородными податями и создало единый, лежащий на земле, отделенный от личности плательщика, поземельный налог. Однако, блестяще сгруппировав и обработав материалы, приготовленные ей старым порядком, Революция не сумела закончить начатое дело. Мало того, после издания закона 1790 г., в связи с дальнейшими событиями, начался полнейший хаос и у населения стала укрепляться мысль, что податей вообще платить не нужно. И лишь после девятилетнего бездействия закона,

¹⁾ Thine. Les Origines de la France contemporaine. L'Ancien régime. L. V. Ch. 2. IV. 2 éd. 1880. p. 467. Tocqueville. L'Ancien Régime et la Revolution. L. II. Ch. XVI.